

жений эстетики Просвещения, наиболее четко сформулированное английскими просветителями — Шефтсбери и Гетчинсоном. У Дидро та же мысль переросла в программу революционно-демократического воспитания масс. Активную воспитательную силу красоты признает и Радищев. Расхождение между ним и Карамзиным идет по другой линии, отражает противоречия не только русской жизни и является не только национальным спором.

Карамзина и Радищева воспитала одна страна и одна эпоха. Они должны были давать ответы на вопросы, которые ставило время, время начавшегося разложения феодально-крепостнической системы в России, время Французской революции, первого, по словам Энгельса, восстания буржуазии, «которое совершенно сбросило с себя религиозные одежды и в котором борьба была проведена на открыто политической почве».¹²

Вопрос об отношении искусства к политике и был основным эстетическим вопросом, какие бы путанные формы он ни принимал. Решение его определяло сущность всех остальных категорий. Ясную позицию занял Радищев с его презрением к «пресмыкающемуся искусству», с его убежденностью, что литература должна воспитывать «добродетели общественные», которые приводят человека в стан борцов с самодержавием и крепостничеством.

Столь же четкие формулировки мы встречаем, пожалуй, лишь у одного современника Радищева — великого художника революционной Франции Давида. Цель искусства — «пропагандировать и передавать потомству поражающие примеры возвышенных усилий огромного народа, руководимого разумом и философией, — восстановить на земле царство свободы, равенства и законов»,¹³ — говорил Давид в 1793 г. в докладе, составленном по поручению якобинского Комитета общественного просвещения.

Доклад Давида — самое яркое выражение эстетических принципов героического периода буржуазной революции. Страх перед революционными битвами привел к распространению в Европе «немецкой теории французской революции» — философии Канта и его эстетических взглядов: учения об обособлении чистого чувства красоты, незаинтересованности эстетических переживаний, субъективности эстетических категорий, независимости формы и содержания и т. д.

В обновленном виде кантианская эстетика развивается Шиллером, который в том же 1793 г. начал писать «Письма об эстетическом воспитании». Шиллер признает, что самым насущным вопросом времени является вопрос о политической свободе, но путь к ней, по его мнению, идет через эстетическое воспитание. Только оно может избавить человечество как от испорченности аристократии, так и от «грубых и незаконных стремлений» народных масс

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 22, изд. 2-е, 1962, стр. 311.

¹³ Цит. по кн.: Мастера искусства об искусстве. т. I, М., 1936, стр. 188.